
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.09

DOI: 10.25730/VSU.2070.25.010

Тема масонства в творчестве Ф. М. Достоевского

Сыромятников Олег Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос о связи творчества Ф. М. Достоевского с масонством. Его актуальность определяется неослабевающим интересом к личности и творчеству великого русского писателя, а также тем обстоятельством, что проблема влияния масонства на русскую историю и культуру постоянно поднимается в научной и общественной мысли. Особое внимание к ней возникло в конце 1980-х гг., после чего на протяжении четверти века появлялись как основательные работы, так и разного рода догадки. В то же время было высказано и предположение о причастности Достоевского к масонству. Несмотря на то, что с тех пор никаких убедительных доказательств этой гипотезы предоставлено не было, она внезапно обрела вторую жизнь в наши дни. Это определило цель настоящей работы – подтвердить или опровергнуть предположение о причастности Достоевского к масонству.

Несмотря на официальный запрет, деятельность различных тайных обществ, среди которых масоны занимали видное место, составляла характерную черту общественной жизни Петербурга второй половины XIX в. Достоевский знал о ней как из открытых источников, так и из запрещенной литературы, с которой познакомился в молодости в среде столичной интеллигенции. Он был православным человеком, искренне и глубоко любящим свое Отечество, и быстро понял враждебность идей масонства духовным основам русской жизни. В различных формах своего художественного и публицистического творчества писатель открыто боролся с этими идеями, отстаивая традиционные для России духовные и нравственные ценности, и потому нет никаких оснований говорить о его принадлежности к масонству.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, масонство, христианство, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы».

Масонство представляет собой особое явление в европейской культуре. Причины его появления и цели не очевидны, но его роль в истории Европы, несомненно, велика. В России масонство появилось во времена Петра I, и в разное время к нему принадлежали видные политики, деятели науки и искусства. В 1822 г. Александр I запретил деятельность любых тайных обществ на всей территории Российской империи. Сменивший его Николай I повторил и усилил этот запрет, после чего русское масонство окончательно перешло на нелегальное положение. Ситуация изменилась лишь после 1905 г., когда Николай II издал Указ «Об укреплении начал веротерпимости», изменивший правовое положение различных религиозных объединений. В Советском государстве тема масонства вновь оказалась под запретом и вместе с русской эмиграцией переместилась за рубеж. Новая волна интереса к масонству в России поднялась в конце 1980-х гг. и продолжалась более двух десятилетий. Российским исследователям стали известны работы Н. А. Бердяева («Русская идея». Гл. 1.2, 1946), И. А. Ильина («Правда о масонстве», 1947), Н. Н. Берберовой («Люди и ложи», 1986), Л. П. Замойского («За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему», 1990), М. Морамарко («Масонство в прошлом и настоящем», 1990), В. М. Острецова («Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки», 1998), Б. Башилова («История русского масонства», 2004) и других авторов.

В 1996 г. впервые было высказано предположение о принадлежности Достоевского к масонской организации. Оно содержалось в статье с характерным названием «Фантазия на тему биографии Достоевского» [8], принадлежавшей перу Т. А. Касаткиной. Убедительных доказательств этой «фантазии» с тех пор предоставлено не было, и она так бы и могла

остаться литературоведческим курьезом, если бы в последнее время не появились работы, воскрешающие ее к новой жизни. Так, Н. Н. Подосокорский, прямо ссылаясь на Касаткину, предполагает, что если в XIX в. среди интеллигенции было много масонов и некоторые из них находились в окружении Достоевского, то и он сам мог быть масоном [13]. Серьезность (не говоря уже о научности) этой мысли вызывает сомнения, так как доказать причастность какого-либо человека к масонской организации можно только на основании протокола ложи, где проходила инициация. Ни показания других людей, ни личное заявление не играют в этой ситуации никакой роли, поскольку масонская этика не простирается за пределы ложи, и обман «профана» не считается чем-то предосудительным. Другим способом доказать принадлежность человека к масонской организации является тщательный анализ и сопоставление его мировоззрения с масонской идеологией. Но и здесь следует предусмотреть возможность случайного совпадения близких идеологических позиций, а также учесть характер отношения человека к масонству и историю его пребывания в организации – было ли это идеологическим решением, верность которому он сохранил на всю жизнь, или сиюминутным увлечением, актом неосторожного любопытства¹.

Вероятно, знакомство с масонской тематикой состоялось у Достоевского еще в юности, когда он читал множество произведений русской и европейской литературы, в некоторых из которых упоминалось о масонстве. Своего рода «практическое» знакомство могло состояться в годы учебы в Инженерном училище (1838–1843), где, как утверждает Ю. И. Селезнев, «существовало множество различных объединений его питомцев по интересам, не предусмотренных уставом» [18, с. 37], а некоторые из учащихся, по словам воспитателя Инженерного училища А. И. Савельева, объединялись в тайные «“общества” – “род масонства, имевшего в себе силу клятвы и присяги”...» [17, с. 164]. Вполне вероятно, что масонская тема поднималась и на «пятницах» у М. В. Петрашевского, которые Достоевский начал посещать с 1846 г. По некоторым сведениям, и сам Петрашевский принадлежал к братству «вольных каменщиков» [2].

В XIX в. масонство было закрытое от посторонних глаз тайной организацией, настоящие цели и задачи которой были известны только ее членам. О масонах знали лишь то, что они живут какой-то своей особой, отличной от других людей жизнью. Это порождало много слухов и давало основание подозревать в масонстве любого не похожего на других человека. А. С. Пушкин сподировал эту ситуацию в «Евгении Онегине» словами соседей, оскорбленных пренебрежением главного героя принятыми нормами приличия: «Он фармазон²; он пьет одно / Стаканом красное вино...» [7, т. 4, с. 38]. В таком же, не онтологическом, а иронично-нарицательном смысле о масонстве упоминается и в раннем творчестве Достоевского. В повести «Дядюшкин сон» (1859) Мозголяков обращается к главному герою: «Да уж не в масонскую ли ложу вы хотите поступить, любезнейший дядюшка? <...> – Ну да, мой друг, ты не ошибся, – неожиданно отвечал дядюшка. – Я, действительно, в старину к одной масонской ложе за границей при-на-дл-ежал и даже имел, в свою очередь, очень много великолупных идей...» [5, т. 2, с. 375]. В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) героиня говорит о князе Валковском: «Хитрый человек! Масон!» [5, т. 3, с. 217].

Однако со временем отношение Достоевского к масонству стало более серьезным и вдумчивым. Писатель понял, что за внешними атрибутами масонства и декларацией им добрых дел, творимых втайне, скрывается нечто большее. Возможно, свою роль сыграла и журнальная публикация романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1869), пробившая лед молчания вокруг масонской темы в русской литературе. Несомненно, что о масонстве так или иначе время от времени говорилось и в общественных кругах, что давало обильную пищу для размышлений.

¹ История русской литературы знает примеры обоего рода. Так, А. С. Пушкин вступил в ложу «Овидий-2» во время пребывания в Кишиневе. Дневник поэта хранит характерную запись: «4 мая был я принят в масоны» [15, т. 7, с. 304]. Возникает впечатление, что поэт не сам вступил, а был принят в масоны. И это действительно так. Пушкин, как и многие его современники, знал о масонстве и ему было любопытно познакомиться с ним поближе. Однако он быстро понял суть этой организации и отошел от нее, чем вызвал недоумение некоторых «вольных каменщиков». Так, С. А. Соболевский однажды «изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу» [19, с. 11]. Пример другого рода – М. А. Осоргин, вступивший в масонство в 1914 г., сделавший в нем блестящую карьеру и сохранивший верность масонским идеалам до конца своих дней.

² Фармазон – разговорно-просторечный вариант словосочетания *franc-maçon* (франк-масон) – вольный каменщик (*франц.*).

В 1875 г. Достоевский опубликовал в «Отечественных записках» роман «Подросток», подготовительные материалы к которому содержат ряд упоминаний о масонстве: «Идея Версилова. Управлять человечеством. Лучший человек не может не быть в уединении. <...> Исправлять себя. «Вы в заговоре?» – «Это не заговор. Масонство. Потом объясню...»; «Всё хорошо, вся жизнь хороша, слиться со вселенной. <...> – (Вы масон? Вы в заговоре?) – <...> Был, мой милый. Есть ли русский, который бы не был в свое время в заговоре?»; «у меня являются и масоны, и декабристы...» [5, т. 16, с. 366–367, 411, 415] и т. д. В окончательном тексте романа Версилов излагает князю Сереже свои мысли о назначении дворянства: «Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касти». И слышит в ответ: «Это вы какую-то масонскую ложу проектируете, а не дворянство» [5, т. 13, с. 178].

Чуть позже Достоевский запишет в дневнике: «Чудо, тайна. Масоны», и затем: «Где примирение. Было в вере, но вера утрачена, в чем же, где этот муравейник? Не у масонов ли? Право, мне мерещилось всегда, что у них какая-то тайна, *адово* (курсив наш. – О. С.) разумение, тайна муравья. Но такая тайна равносильна обращению человека в муравья, коли дан разум» [5, т. 24, с. 159, 162]. Вероятно, эта запись является откликом на острый политический кризис в Европе середины 1870-х гг. В контексте своего понимания русской идеи писатель ищет ответ на вопрос о путях единения человечества. Первый путь – вера. Если разные люди одинаково верят в одно и то же, они становятся духовно близки; а если они верят в одного и того же Отца, то они становятся братьями. Но «в Европе «Христа потеряли, – утверждает Достоевский, – и оттого Запад падает, единственно оттого. Идеал переменился, и – как это ясно!» [5, т. 29, кн. 1, с. 214–215]. В настоящее время, уверен писатель, христианства в Европе уже нет, но всё же она «сделала много христианского... Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства» [5, т. 27, с. 57]. Другой путь – объединение людей для решения сугубо материальных (политических, экономических, социальных и пр.) проблем, отказ от стяжания Царства Небесного.

В различных художественных формах писатель осмысливал эти пути на протяжении всего своего творчества. Итогом этой работы стал роман «Братья Карамазовы» (1880), упоминание масонства в котором имеет явно идеологический характер. В начале романа Иван Карамазов рассказывает брату Алексею свою «поэму» о Великом инквизиторе и замечает: «Кто знает, может быть этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно во все, а существует как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем, чтобы сделать их счастливыми. Это непременно есть, да и должно так быть. Мне мерещится, что даже у масонов есть что-нибудь в роде этой же тайны в основе их, и что потому католики так и ненавидят масонов, что видят в них конкурентов, раздробление единства идеи, тогда как должно быть едино стадо и един пастырь...» [5, т. 14, с. 239]. Здесь также упоминаются два пути, но они ведут к одной и той же цели – мировому господству. Их единственное различие состоит в том, что если католицизм открыто претендует на духовное и политическое мировое господство, то масоны прикрывают эту цель философско-мистическим туманом.

Примечательна реакция Алексея: «Ты может быть сам масон! <...> Ты не веришь в Бога, – прибавил он, но уже с чрезвычайною скорбью. Ему показалось к тому же, что брат смотрит на него с насмешкой» [5, т. 14, с. 239]. Словами Алексея писатель раскрывает сущность масонства – отвергая Бога, оно стремится занять его место. Достоевский усиливает этот богооборческий мотив словами Великого инквизитора³, обращенными к тому, кого он принял за Христа: «Мы не с тобой, а с *ним*⁴, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков» [5, т. 14, с. 234]. В. Е. Ветловская замечает по этому поводу: «Отрицая Христа и указывая на дьявола, как на своего истинного наставника, Великий Инквизитор не слишком далеко ушел от некоторых сокровенных тайн масонов» [4, с. 98]. Алексей понимает, что его брат находится

³ Обратим внимание на само «имя» – Великий инквизитор. По словам С. П. Карпачева, титул «Великий Инквизитор» соответствует 32-й (предпоследней) ступени в иерархии масонства шотландской системы [7, с. 314–315].

⁴ Курсив и иные формы выделения текста в цитатах всегда, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат их авторам.

на стороне Великого инквизитора (а следовательно, и его господина): «И ты вместе с ним, и ты? – горестно воскликнул Алеша. Иван засмеялся» [5, т. 14, с. 239]. Об этом догадывается и старший брат Дмитрий: «У Ивана Бога нет. У него идея. Не в моих размерах. Но он молчит. Я думаю, он масон. Я его спрашивал – молчит» [5, т. 15, с. 32].

Таким образом, в «Братьях Карамазовых» масонство выступает как идеологическая антитеза христианству. Здесь уместно вспомнить, что христианское богословие нередко называет дьявола «обезьянкой» Бога – в том смысле, что он «обезьянничает» – пытается подражать Богу, не имея ни Его природы, ни Его свойств. Масоны так же использовали в своей деятельности отдельные идеи, термины и символы христианства и некоторых других религий, наполняя их своим особым смыслом. Отношение масонства к христианству хорошо показывают слова И. Гёте, вступившего в ложу «Амалия» в Веймаре в 1780 г.: «Только четыре предмета мне даже змеи ядовитой: дым табачный, клопы, запах чесночный и крест». По словам Л. Замойского, «крест ему был столь антипатичен, что он не захотел даже назвать его, ограничившись графическим символом» [6, с. 97].

Творчество Достоевского содержит и непрямые отсылы к масонской проблематике. Так, в романе «Бесы» (1873) описывается момент передачи при рукопожатии особого опознавательного знака, принятого в тайной организации: Эркель «схватил сам его за руку и – Шатов вздрогнул, как бы прикоснувшись к какому-то страшному гаду. <...> Слушайте <...>, вы сейчас мне сделали знак рукой, когда схватили мою руку. Но знайте, я могу наплевать на все эти знаки!» [5, т. 10, с. 437]. Известно, что для сохранения своих тайн масоны «ввели секретные ритуалы, пароли, особые знаки опознания, по которым удостоверялась принадлежность к братству» [6, с. 4]. М. И. Пыляев пишет об этом: «...шотландскому ученику⁵ сообщался пароль или слово, по которому он узнавал брата-масона; помимо этого объяснялось также ему, как делать рукопожатие и другие знаки при встречах с братьями-масонами» [16].

Нечто подобное мы встречаем и в «Преступлении и наказании» (1866). Во время первой встречи с Раскольниковым следователь напомнил об его статье, в которой излагался особый взгляд на природу человека: все люди делятся на «обыкновенных», служащих только для воспроизведения себе подобных, и «необыкновенных», которые имеют «дар, талант сказать в среде своей *новое слово*», а потому должны «разрешить своей совести перешагнуть через иные препятствия», в том числе и через кровь. При этом «и те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать» [5, т. 6, с. 199, 200, 201]. По словам Раскольникова, в подобных идеях «нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано», и, возможно, поэтому Порфирий Петрович прочел его статью «как знакомую» [5, т. 6, с. 200, 345]. Заметим, что близкие по духу идеи высказывались и на собраниях петрашевского общества. Выступая на одном из них, Д. Д. Ахшарумов так определил статус и задачи «необыкновенных» людей, к которым он причислял себя и слушателей: «Мы должны гордиться тем, что природа нас выбрала для развития своих возвышенных целей в человеческом роде. Нас окружают сотни миллионов людей, которые оглушены бреднями и не знают, что ожидает их новая жизнь и что они должны приготовиться к принятию ее. Наше дело – высказать им всю ложь, жалость их положения и образовать их и возвестить им новую жизнь» [1, с. 210].

Следователь подозревает Раскольникова в убийстве ростовщицы, но для правильной квалификации преступления ему необходимо выяснить мотив преступника: или убийство совершено из корыстных побуждений, или по идеологическим причинам⁶. Поэтому он хочет определить принадлежность Раскольникова к братству «вольных каменщиков». Сделать это в присутствии посторонних (Разумихина и Заметова) было невозможно, и он прибегает к известным ему масонским опознавательным знакам.

Достоевский описывает, как сначала Порфирий (используя комичное поведение Разумихина) немотивированно долго удерживает руку Раскольникова при их первом знакомстве [5, т. 6, с. 191]. Вероятно, за это время он передал подозреваемому какой-то «знак», но не дождался ответной реакции. Тогда Порфирий Петрович посмотрел на Раскольникова «прищурившись и как бы ему подмигнув <...>, черт знает, для чего» [5, т. 6, с. 193], но опять не полу-

⁵ Низший статус в системе шотландского масонства.

⁶ В тексте романа Достоевский дает ответ на этот вопрос. Он заключается в отказе Раскольникова нести «свой кирпичик на всеобщее счастье» в то время, как его мать будет умирать от голода [5, т. 6, с. 211]. По словам С. В. Белова, это выражение восходит к масонской терминологии и принадлежит В. Консиедрану, с идеями которого Достоевский был хорошо знаком [3, с. 162–163].

чил ответа. Для того чтобы принять окончательное решение, он вынужден обратиться к источнику своих подозрений – статье, написанной преступником. Он задает ему ряд уточняющих вопросов, и Раскольников вдруг заявляет: «Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и – vive la guerre éternelle, – до Нового Иерусалима, разумеется!» [5, т. 6, с. 201]. По поводу этих слов Д. Д. Ахшарумов писал: «Насчет того, что собственно Раскольников разумеет под Новым Иерусалимом, сомнения нет. Это тот новый порядок жизни, к которому клонятся все стремления социалистов⁷, порядок, в котором “всеобщее счастье” может осуществиться, и Раскольников готов верить в возможность такого порядка, по крайней мере он не оспаривает его возможности» [9, с. 57].

Это совершенно масонская мысль – поскольку природа будет вечно производить «обыкновенных» и «необыкновенных» людей, то между ними будет «вечная война», которая закончится только тогда, когда «братья» воплотят в жизнь замысел Великого Архитектора вселенной и построят общество «всеобщего счастья». Это и имеет в виду Порфирий Петрович, когда спрашивает Раскольникова: «Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?» [5, т. 6, с. 201]. Однако тот понимает вопрос следователя как желание узнать об его религиозных убеждениях и отвечает так, как его учили отвечать на уроках Закона Божьего – первым словом христианского Символа Веры: «Верую (курсив наш. – О. С.) во единого Бога Отца Вседержителя...». Порфирий Петрович догадывается, что Раскольников, скорее всего, не имеет к масонам отношения, но даже такому многоопытному человеку, как он, трудно понять, как могут в одном человеке уживаться христианская вера и антропофагская «теория», поэтому он продолжает: «И-и-и (ему явно хочется спросить о чем-то другом. – О. С.) в Бога веруете? <...> «И-и в воскресение Лазаря веруете? <...> Буквально веруете?» [5, т. 6, с. 201].

Вопрос о вере в Бога – главный вопрос для определения типа фидеического сознания человека, но если для христианина Бог – разумная, свободная личность, то для масона – абстрактная имперсональная идея. Вот что писал по этому поводу П.-Ж. Прудон: «Вся метафизика масонством выброшена за борт. Масонский бог является олицетворением вселенского равновесия. Бог – это Архитектор, он держит циркуль, уровень, угольник, молоток, все инструменты труда и меры. В области нравственности порядок такого бога – справедливость» [12, с. 272]. Наконец, следователь окончательно убеждается, что перед ним не масон, но все же он решает поставить последнюю точку: «И он как-то вдруг опять подмигнул ему левым глазом и рассмеялся неслышно, – точь-в-точь как давеча» [5, т. 6, с. 204]. Раскольников не ответил и в этот раз.

Достоевский не сообщает, где и когда Порфирий Петрович мог познакомиться с масонскими «тайнами», но очевидно, что на момент действия романа он не мог быть масоном, так как в то время деятельность любых тайных обществ была строго запрещена реабилитированным Николаем I от 4 мая 1826 года ее⁸. Более того, все государственные служащие были обязаны предоставлять собственноручно написанный документ, в котором сообщали о своей принадлежности к какому-либо тайному обществу или отрицали ее. Поскольку такая причастность могла обнаружиться и сторонним образом, то невозможно предположить, чтобы стольчный пристав следственных дел стал бы рисковать своей карьерой ради абстрактных идеалов «вольных каменщиков». Вероятно, он познакомился с масонством в годы ранней молодости, но, поняв его сущность, перешел на «другую сторону» и, расследуя преступление Раскольникова, действовал сугубо как представитель государственной власти.

Следователь правильно понял, что Раскольников хотел счастья для всех людей⁹, однако ошибся в средствах его достижения, поддавшись, по словам Достоевского, «некоторым странным “недоконченным” идеям» [5, т. 28, кн. 2, с. 136], наполнявшим духовную атмосферу Петербурга середины 1860-х гг. Сам Порфирий этими идеями переболел в прошлом и теперь сочувствует Раскольникову: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких,

⁷ В XIX в. социализм был своего рода легальной «оболочкой» многих тайных обществ и в Европе, и в России.

⁸ Однако, по замечанию Е. Л. Кузьмишина, этот запрет «не помешал российским масонам, которые еще задолго до этого, в 1818–1820 гг., вышли из своих лож основать ряд тайных обществ, во многом напоминавших масонские по своим структуре, методам работы и социальным идеалам» [11, с. 326].

⁹ Вспомним слова Раскольникова, сказанные сестре при их последней встрече: «Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел... О, если бы я был один и никто не любил меня, и сам бы я никогда не любил! Не было бы всего этого!» [5, т. 6, с. 400–401].

которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль бога найдет. Ну, и найдите, и будете жить» [5, т. 6, с. 351]. И, насколько может, смягчает ответственность преступника.

Подводя итоги, можно утверждать, что Достоевский знал о масонстве и говорил о нем в своем творчестве. Во многих романах писателя 1866–1880 гг. есть персонажи, одержимые идеями превосходства одних людей над другими, жаждой власти и непомерной гордыней. Они страдают сами, причиняют страдания окружающим и в конце концов совершают преступление богоустановленных, а затем и человеческих законов. Будучи православным христианином, Достоевский понимал антихристианскую сущность масонской идеологии и боролся с ними силой художественного слова, а потому любые попытки причислить его к масонскому сообществу не могут иметь никаких оснований.

Список литературы

1. Ахшарумов Д. Д. Петрашевцы об атеизме, религии и церкви. М. : Мысль, 1986. 269 с.
2. Башилов Б. П. Масонство и русская интелигенция. URL: <https://litmir.club/br/?b=53414&p=27> (дата обращения: 20.08.2024).
3. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» : коммент. Кн. для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Просвещение, 1984. 240 с.
4. Ветловская В. Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва» // Миф-фольклор-литература. Л. : Наука, 1978. С. 81–113.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
6. Замойский Л. П. За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М. : Политиздат, 1990. 288 с.
7. Карпачев С. П. Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М. : Язуа-пресс, 2007. 352 с.
8. Касаткина Т. А. Фантазия на тему биографии Достоевского // Достоевский и современность : материалы X Международных старорусских чтений, 1996. С. 57–65.
9. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М. : Сов. писатель, 1970. 448 с.
10. Комарович В. «Мировая гармония» Достоевского. «Атеней», 1924. Кн. 1–2. С. 112–142. 192 с.
11. Кузьмишин Е. Л. Масонство / предисл. А. И. Серкова. М. : Ганга, 2016. 496 с.
12. Моромарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М. : Прогресс, 1990. 304 с.
13. Острецов В. М. Масонство, культура и русская история : историко-критические очерки. М. : Штрихтон, 1998. 720 с.
14. Подосокорский Н. Н. Масонский след в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского в связи с богословием писателя // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 305–316.
15. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. : Худ. лит., 1962. 463 с.
16. Пыляев М. И. Старая Москва. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Старая_Москва_\(Пыляев\)#Глава_IV](https://ru.wikisource.org/wiki/Старая_Москва_(Пыляев)#Глава_IV) (дата обращения: 20.08.2024).
17. Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1990. С. 163–171.
18. Селезнев Ю. И. Достоевский. Изд. 2-е. М. : Мол. Гвардия, 1985. 543 с.
19. Соболевский С. А. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1985. С. 10–13.

The theme of Masonry in the works of F. M. Dostoevsky

Syromyatnikov Oleg Ivanovich

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian Literature, Perm State National Research University, Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Abstract. The article explores the connection between F. M. Dostoevsky's work and Masonry. Russian literature is characterized by its relentless interest in the personality and work of the great Russian writer, as well as the fact that the problem of the influence of Masonry on Russian history and culture is constantly being raised in scientific and social thought. Special attention to it arose in the late 1980s, after which both thorough works and various kinds of guesses appeared for a quarter of a century. At the same time, it was suggested that Dostoevsky was involved in Masonry. Despite the fact that since then no convincing evidence has been provided for this hypothesis, it has suddenly found a second life in our days. This determined the purpose of this work – to confirm or refute the assumption of Dostoevsky's involvement in Masonry.

Despite the official ban, the activities of various secret societies, among which Freemasons occupied a prominent place, formed a characteristic feature of the social life of St. Petersburg in the second half of the 19th century. Dostoevsky knew about her both from open sources and from forbidden literature, which he had

become acquainted with in his youth among the Moscow intelligentsia. He was an Orthodox man who sincerely and deeply loved his Fatherland, and he quickly realized the hostility of the ideas of Masonry to the spiritual foundations of Russian life. In various forms of his artistic and journalistic work, the writer openly fought against these ideas, defending traditional spiritual and moral values for Russia, and therefore there is no reason to talk about his belonging to Masonry.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Masonry, Christianity, "Crime and Punishment", "The Brothers Karamazov".

References

1. Ahsharumov D. D. *Petrashevcy ob ateizme, religii i cerkvi* [Petrashevites on atheism, religion and the church]. M. Mysl (Thought), 1986. 269 p.
2. Bashilov B. P. *Masonstvo i russkaya intelligentsiya* [Masonry and the Russian intelligentsia]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=53414&p=27> (date accessed: 20.08.2024).
3. Belov S. V. Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": komment. Kn. dlya uchitelya. Izd. 2-e, ispr. i dop. [F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment": commentary. Book for teachers. 2nd ed., corr. and add.] M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1984. 240 p.
4. Vetlovskaya V. E. *Tvorchestvo Dostoevskogo v svete literaturnykh i fol'klornykh parallej. "Stroitel'naya zhertva"* [Dostoevsky's creative work in the light of literary and folklore parallels. "Construction sacrifice"] // *Mif-fol'klor-literatura* – Myth-folklore-literature. L. Nauka (Science), 1978. Pp. 81–113.
5. Dostoevskij F. M. *Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols. Vol. L. Nauka (Science), 1972–1990.
6. Zamojskij L. P. *Za fasadom masonskogo hrama: Vzglyad na problemu* [Behind the facade of the Masonic temple: A look at the problem]. M. Politizdat, 1990. 288 p.
7. Karpachev S. P. *Tajny masonsikh ordenov. Ritually "vol'nyh kamenshchikov"* [Secrets of Masonic orders. Rituals of the "freemasons"]. M. Yauza Press, 2007. 352 p.
8. Kasatkina T. A. *Fantaziya na temu biografii Dostoevskogo* [Fantasy on the subject of Dostoevsky's biography] // *Dostoevskij i sovremennost': materialy X Mezhdunarodnyh starorusskikh chtenij* – Dostoevsky and Modernity : materials of the X International Old Russian Readings, 1996. Pp. 57–65.
9. Kirpotin V. Ya. *Razocharование и крушение Родиона Ракольникова* [Disappointment and the downfall of Rodion Raskolnikov]. M. Soviet Writer, 1970. 448 p.
10. Komarovich V. "Mirovaya garmoniya" Dostoevskogo. "Atenej", 1924. Kn. 1–2 [Dostoevsky's "World Harmony". "Athenaeum", 1924. Books 1–2]. Pp. 112–142. 192 p.
11. Kuz'mishin E. L. *Masonstvo* [Masonry] / preface by A. I. Serkov. M. Ganga, 2016. 496 p.
12. Moromarko M. *Masonstvo v proshлом i nastoyashchem* [Masonry in the past and present]. M. Progress, 1990. 304 p.
13. Ostrecov V. M. *Masonstvo, kul'tura i russkaya istoriya : istoriko-kriticheskie ocherki* [Masonry, culture and Russian history : historical and critical essays]. M. Shtrikhton, 1998. 720 p.
14. Podosokorskij N. N. *Masonskij sled v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo v svyazi s bogosloviem pisatelya* [The Masonic trace in the life and work of F. M. Dostoevsky in connection with the theology of the writer] // *Bogoslovie Dostoevskogo* – Dostoevsky's Theology / ed. by T. A. Kasatkin. M. IMLI RAS, 2021. Pp. 305–316.
15. Pushkin A. S. *Sobr. soch. : v 10 t. T. 7* [Collected works : in 10 vols. Vol. 7]. M. Hud. lit. (Fiction), 1962. 463 p.
16. Pylyaev M. I. *Staraya Moskva* [Old Moscow]. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Study_moscow_\(Pylyaev\)#Chapter_XXIV](https://ru.wikisource.org/wiki/Study_moscow_(Pylyaev)#Chapter_XXIV) (date accessed: 20.08.2024).
17. Savel'ev A. I. *Vospominaniya o F. M. Dostoevskom* [Memoirs of F. M. Dostoevsky] // *Dostoevskij F. M. v vospominaniyah sovremenников : v 2-h t. T. 1* – Dostoevsky F. M. in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 1. M. Hud. lit. (Fiction), 1990. Pp. 163–171.
18. Seleznev Yu. I. *Dostoevskij. Izd. 2-e* [Dostoevsky. Ed. 2]. M. Mol. Guardia (Young guard), 1985. 543 p.
19. Sobolevskij S. A. *Iz stat'i "Tainstvennye primety v zhizni Pushkina"* [From the article "Mysterious omens in Pushkin's life"] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremenников : v 2-h t. T. 2* – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hud. lit. (Fiction), 1985. Pp. 10–13.

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к публикации: 12.12.2024